

Советские автобиографии, написанные при трудоустройстве, как исторический источник (на материале 1930-х – начала 1940-х гг.).

Кинев С.Л.

Главный археограф МКУ «Горархив»

История маленького человека интересует историческую науку давно и основательно. Изучение больших событий и процессов сквозь призму взглядов и впечатлений современников даёт возможность увидеть умонастроения участников тех или иных событий, их понимание своего участия, характер последующей рефлексии, определяющей во многом направление дальнейшего развития общества.

Обычно исторические источники личного происхождения создают люди, относящиеся к интеллектуальным кругам или к группам, определяющим политику в общегосударственном или глобальном масштабе. Тем не менее, принятые в СССР правила приёма на работу или передвижения по карьерной лестнице позволяют исследователю получить подобную информацию от обычных людей. Ну, или, по крайней мере, от людей, не относящихся к кругу «властителей дум» или «вершителей судеб» на сколько-нибудь серьёзном уровне. Таким подарком для историка и генеалога стали автобиографии, которые каждый советский гражданин писал хотя бы один раз в жизни.

Как и положено автобиографии, этот её специфический жанр весьма субъективен. Здесь так же есть искажения информации. Они могли быть намеренными, - не стоит забывать, что люди писали их в тоталитарном государстве. В результате, перед каждым стояла задача показать, что он «свой» для новой власти. Впрочем, такое искажение может иметь и другие причины – простое желание представить себя в лучшем свете, тем более, что информацию о предыдущей деятельности, упомянутую в автобиографиях, написанных в 1930-х гг. не всегда можно подтвердить или опровергнуть. Наконец, непосредственное участие в событиях и намерение быть честным в их описании не даёт гарантии достоверности информации, поскольку автор смотрел на события и процессы в рамках своего понимания, своей картины мира.

Разумеется, даже с учётом всех этих оговорок, автобиографии, написанные при устройстве на работу, не теряют своей значимости в качестве исторического источника. Они отражают реальность, в которой жили авторы текстов, во всех деталях. Даже возможные искажение в них оказываются свидетельством эпохи. Главное - правильно задать вопрос историческому источнику.

В данном случае в качестве объекта исследования была использована небольшая часть автобиографий, сохранившихся в фонде ЗЗ (Исполнительный комитет Новосибирского городского Совета народных депутатов) Новосибирского городского архива. Все использованные тексты были написаны в 1930-х – 1940-х гг. Повествование в них охватывает период от рубежа XIX-XX вв. до начала 1940-х г.

Информация в текстах является достаточно репрезентативной. Здесь присутствуют более или менее детализированные свидетельства о жизни нескольких социальных и профессиональных групп населения. Информацию о себе, своих семьях, о своей эпохе оставили представители разных слоёв общества: крестьяне, городские рабочие, мещане, дети солдат, техническая интеллигенция, даже иностранцы, оставшиеся в советской России и СССР.

Прежде всего здесь представлен большой пласт информации по исторической генеалогии (общей исторической генеалогии, изучающей социальные группы, а не отдельные семьи), исторической демографии и, отчасти, - социальной истории.

В силу специфики жанра повествование касается обычно двух поколений. Почти каждая автобиография советской эпохи начинается с упоминания родителей, а иногда и прауродителей. Таким образом, исследователю открывается генеалогическая линия, состоящая из двух-трёх поколений. Автор текста может упомянуть, например, что его дед был

крепостным крестьянином князя Барятинского в Курской губернии.^[1] Такого рода информация может быть достаточно легко проверена и получен вывод о том, является ли такое утверждение реальным фактом или семейной легендой.

Описывая деятельность своих отцов составители биографии довольно часто предоставляют потенциальному исследователю информацию о составе семей (количество детей, иногда и их пол), об их имущественном положении, степени материальной обеспеченности. Когда-то это видно из социального статуса, когда-то буквально описывается. Так в одной из автобиографий указана численность семьи – 9 человек. Эта семья имела всего 2-3 дес. земли, 1 корову, 1 («по временам» - 2) лошадь.^[2]

Приведённый пример не является отдельным случаем. В другой автобиографии упоминается, что в хозяйстве его отца была лошадь, корова, три овцы и земли на 3 ревизские души (уточняя, что это равно приблизительно 4,5 га или чуть больше 4 дес.) включая пахотную, сенокосную, удобную и неудобную, с пасечным лесным наделом.^[3] Наконец, отец автора биографии может просто назвать своего отца батраком, это значит, что своего хозяйства у того не было или же с него прожить с него было невозможно. В последнем случае речь шла о семье с четырьмя детьми.^[4]

Учитывая тот факт, что речь идёт о Сибири (окрестности Омска) этого действительно чрезвычайно мало. Однако, данная информация о хозяйствах в Западной Сибири подтверждается, например, хозяйственной переписью 1917 г.

В связи с описанием материального положения сельских жителей можно встретить описание стратегий выживания бедных семей: такие крестьяне часто рыбачили, нанимались в батраки или отправляли батрачить младших членов семьи. В юном возрасте, с 14-15 лет, крестьяне и дети железнодорожных рабочих начинали работать в промышленности. В Сибири это чаще всего работа на железной дороге.

Интересно и упоминание «кулаков» в сёлах. Один авторов биографии упоминает пять кулацких семей, у которых ему довелось батрачить только в с. Крутиха.^[5] Таким образом, мы можем получить и косвенную информацию о степени зажиточности в сибирском селе в целом.

Важным вопросом, освещавшимся в автобиографиях стало образование. Здесь можно увидеть разную судьбу. Человек мог оставаться неграмотным до достижения взрослого возраста и научиться читать уже при новом режиме.^[6] Чаще всего упоминаются сельские школы, в которых повествователи учились в течение одного-трёх лет.^[7] Школу оставляли практически всегда по причине бедности. Приходилось зарабатывать на жизнь. По меньшей мере один случай такого рода приходится уже на 1925 г., когда автор биографии, уже работавший к этому моменту в течение года, был вынужден оставить школу, обучение в которой ему до тех пор обеспечивала его сестра.^[8]

Были ситуации, когда человеку удавалось продолжить образование после гражданской войны и закончить техникум, будучи направленным на учёбу от предприятия.^[9] В отдельных случаях выходец из семьи рабочего, вынужденного крестьянствовать мог получить школьное образование и продолжить обучение уже в учительской семинарии ещё до революции. В последнем случае он, как малоимущий получал стипендию в 15 рублей в месяц, что было немного ниже зарплаты рабочего на текстильном предприятии. Впрочем, даже в таком случае учащийся был вынужден совмещать учёбу с работой или сезонными заработками.^[10]

Лишь в единичных случаях у авторов биографий было высшее образование, техническое или медицинское.^[11] Ещё в двух случаях речь шла о получении высшего образования в новых советских вузах^[12] (в одном случае оно было незаконченным, что не помешало его обладателю получить должность инженера).^[13]

До некоторой степени автобиографии, написанные при устройстве на работу, позволяют судить о крепости связей в семье и характере их проявления. Как уже было сказано выше, человек мог получать образование при материальной поддержке замужней сестры.^[14]

Человек, отправленный в ссылку на другой конец империи и оставшийся в Сибири навсегда, ещё в 1938 г. продолжал поддерживать контакт в переписке с отцом и двумя братьями, проживавшими в Литовской республике, и ещё одним братом, поселившимся в Палестине.[\[15\]](#) Для обеих сторон такая переписка могла иметь более или менее неприятные последствия, но тем не менее, в данном случае, связи не были оборваны.

Бывали и обратные примеры, когда сын устраивался чиновником средней руки в Томске, тогда как его отец-инвалид продолжал прозябать в колхозе в Омской области.[\[16\]](#) Впрочем, не исключено, что перевезти отца не представлялось возможным.

Связи между членами семьи могли быть разрушены и в результате политических репрессий. Так один из инженеров отметил в начале своей автобиографии, что его отец – техник по профессии, арестован НКВД.[\[17\]](#) Биография написана в начале марта 1939 г. Выяснив судьбу арестованного отца, мы знаем, что он был арестован 9 октября 1937 г. и расстрелян уже 26 октября 1937 г.[\[18\]](#) По-видимому, даже без имитации следствия. Сын, расстрелянного, возможно, так никогда и не узнал об этом.

Одним из важнейших моментов для исторической демографии и исторической (общей) генеалогии являются географическая и социальная мобильность каждого отдельного человека и семей в целом, в том числе в течение двух-трёх поколений. Упомянутые автобиографии предоставляют возможность отследить такую мобильность как применительно к дореволюционному периоду, так и к советскому. Изучение текстов позволит установить причины и механизмы обоих видов мобильности.

Автобиографии в случайной выборке показывают картину довольно масштабной миграции населения, как до 1917 г., так и после. Характерно, что люди, в чьей жизни не было смены места жительства в данном случае оказались в меньшинстве. (Хотя стоит оговориться, что мы говорим о городском по преимуществу населении, даже если речь идёт о горожанах в первом поколении).

Локальные миграции между городом и деревней представлены в обоих направлениях. Чаще можно увидеть перемещение из одного села в другое[\[19\]](#), из села на железнодорожные станции или в города[\[20\]](#), из одного города – в другой.[\[21\]](#) Реже – переезды из города в село.[\[22\]](#)

Для последних лет империи представлены своего рода миграции, вызванные высылкой участников революционных выступлений, от, условно говоря, локального переезда из Красноярска на Судженские копи, до более масштабного перемещения из Ковенской губернии в Енисейскую.[\[23\]](#)

Можно увидеть и переезд крестьянской семьи из европейской части империи в Барнаульский уезд в 1907 г., что, очевидно, было эпизодом столыпинской аграрной реформы.[\[24\]](#)

Присутствуют и переезды, связанные, так или иначе, с военной службой, как в период империи, так и в советский период. В частности, упоминаются эпизоды переезда семьи с места службы после её окончания и, напротив, переезд семьи на новое место, поскольку отставной солдат нашёл работу в местности, которой служил.[\[25\]](#)

Часть переездов связана с профессиональным ростом. Такое перемещение могло быть довольно масштабным, например – из Ленинграда в Томск, а затем - в Новосибирск.[\[26\]](#) Автор биографии мог отправиться на новое место, вдохновившись первыми крупными стройками социализма. Так один из авторов биографии будучи сотрудником Московско-Киевско-Воронежской железной дороги отправился работать на частично пущенный Турксиб. Впрочем, в нашем случае герой не доехал и начал работу на Омской железной дороге. Позже он пытался устроиться в Калуге, но был вынужден вернуться в Новосибирск.[\[27\]](#)

Есть, по-видимому, и примеры некоторого авантюризма, вроде необъяснённого переезда из Архангельска в Новосибирск в 1927 г. однорукого инвалида, как если бы на русском севере или в ближайших к нему регионах СССР не было работы для сторожа или швейцара.[\[28\]](#)

Прослеживается по автобиографиям и социальная мобильность семей и отдельных персонажей. Наиболее частые или заметные примеры – это движение семьи в течение трёх поколений из крестьян (в том числе – из крепостных) в железнодорожные рабочие и далее в советские чиновники на уровне городской или городского района администрации.^[29] Сын кишечного мастера становится лекарем, а затем доктором медицинских наук, профессором.^[30] Примеров, подобных этим, довольно много. Практически все партийные и советские работники показывают пример такого роста. Значительно реже встречаются биографии, в которых демонстрируется устойчивость статуса, когда отец и сын – техники или инженеры с высшим техническим образованием или речь идёт о человеке, рожденном в мещанском сословии и получившем высшее образование.

В данном случае революционность предшествующих событий и даже самой эпохи, в которой они жили, становится очевидной.

Изменения в социальной структуре, в принципах социальных отношений, в социальном статусе отдельных лиц, можно увидеть своего рода социальное расслоение в семье. Представители одного поколения имели чаще всего сходный уровень образования и более или менее равный материальный статус, но между поколениями разница могла быть значительной. Ярким примером является уже упомянутая ситуация, когда сын – чиновник в Томске, а отец – колхозник-инвалид в Омской области. Такого рода ситуаций не было только в семьях людей, являвшихся горожанами по меньшей мере во втором поколении.

В автобиографиях можно увидеть перипетии карьерного роста (и не только роста) граждан и выявить некоторые характерные его черты, например, для 1920-х – 1930-х гг.

В частности, профессиональный рост был более или менее предсказуемым, логичным и плавным у людей, получивших гимназическое, а затем и университетское образование.^[31] Такую же относительную стабильность гарантировало и советское новое образца высшее образование.^[32] Практически во всех остальных случаях судьба человека в этом вопросе часто похожа на американские горки с добавлением время от времени перемещений по горизонтали.

Карьерный рост людей с начальным, неполным начальным образованием и иногда с советскими вузами за спиной (вроде института народного хозяйства при Госплане) характеризовался не только рывками, но и стремлением уклониться от производственной работы.

Самые успешные начинали делать карьеру на ни к чему не обязывающих должностях политической и воспитательной работы ещё в рядах РККА в период гражданской войны. Затем их путь лежал в выборные правления сельских кооперативов, профсоюзные и партийные организации и, в конце – в партийные и советские организации районного и городского уровней, органы финансового контроля, городские плановые отделы и т.п.^[33]

Другим вариантом могла быть работа в газете, обучение на партийных курсах и деятельность в качестве освобождённого парторга на предприятии с дальнейшим ростом до председателя городского райсовета и члена бюро городского райкома.^[34]

В целом отсутствие систематического образования не препятствовало карьере этой группы людей. Тем не менее в их жизни довольно часто случались и провалы. Так человек, поднявшийся за несколько лет из нормировщиков в заведующие фабрикой, мог вскоре вновь оказаться нормировщиком, уже на другом предприятии.^[35] Партийные, советские чиновники, заместители редакторов газет могли быть исключёнными из партии в результате чисток.^[36] Иногда это приводило к потере должности, а в критическом случае речь могла идти даже о положении безработного в течение полугода и временной работе.^[37] Впрочем, такие кадры практически всегда возобновляли путь вверх. Прекратить эти «американские горки» мог разве что арест в 1937 - 1938 гг.

И это второй специфический момент, связанный с карьерным ростом партийных и советских чиновников. На период так называемого «Большого террора» приходится значительное количество внезапных скачков на более высокие должности. Секретарь партийной

организации паровозного депо мог в ноябре 1937 г. стать ответственным секретарём одного из городских райсоветов, а 20 января 1938 г. уже стать председателем в этом же учреждении. Параллельно это человек получил в декабре 1937 г. членство в пленуме райкома, а в феврале 1938 г. – в бюро райкома ВКП(б).^[38] Здесь речь явно идёт об освобождении более или менее высоких должностных мест в результате арестов. Такого рода наблюдения иногда подтверждаются листками по учёту кадров уже в обратной ситуации, когда авторы биографий оказывались арестованными. Интересно, что у специалистов этот механизм повышения в должности в таких текстах не прослеживается. (Это, конечно, не означает, что события 1937-1938 гг. прошли для них незамеченными.)

Отдельный значительный вопрос, который нашёл освещение в автобиографиях «простых смертных» и, возможно, не очень простых – исторические события, в которых им довелось участвовать. В довольно большом количестве автобиографий можно найти упоминание об участии в Первой мировой войне, в том числе о нахождении в плену и о судьбе в период войны гражданской. Воспоминания об «империалистической войне» дают уникальную информацию, позволяющую начать исследования по необычным вопросам. Так в отдельных случаях становится известно об условиях пребывания в плену и возможностях освобождения. Автор одной из биографий упоминает нахождение под судом немецкого военного трибунала за революционную пропаганду в небольшой группе французских и русских военнопленных, находившихся на работе «у помещика ж.д. Путевизм и село Путевизм, поместье Лудвигшайнг». Он подвергся военному суду в Аугсбурге, подал кассационную жалобу(!) в суд более высокой инстанции в Мюнхене, а затем и в Государственную палату в Берлине.^[39]

В этом же случае упоминается обмен ранеными и больными пленными между Германией и большевиками. Как минимум эта история ставит задачу проверки такой информации.

Участие в войне и плен порождали и несколько менее необычные, но не менее интересные личные истории. К концу 1918 г. довольно распространённой формой освобождения из немецких лагерей для военнопленных стали побеги. Один из таких эпизодов позволил посмотреть на разгоравшуюся в России гражданскую войну с необычной для советского общества точки зрения. Так группа беглецов, вернувшаяся на территорию бывшей Российской империи, получила информацию о событиях и разделилась. Часть ушла к белым, часть присоединилась к армии Украинской Народной республики, часть вернулась в Германию(!) и только двое отправились в «Совроссию».^[40]

Судьба тех, кто не был в плену, судя по текстам биографий, складывалась по трём-четырёх более или менее общим сценариям. Люди, участвовавшие в первой мировой войне, не участвовали в гражданской почти никогда. Те, кто не воевал в 1914-1918 гг., не всегда горели желанием участвовать в войне на родине. Те же, кому довелось участвовать в гражданской войне, могут быть разделены на три основные группы: воевавшие за красных изначально; мобилизованные Сибирским временным правительством или Колчаком, а позже перешедшие к красным (при первой возможности или позже, когда крах Колчака был очевиден); и, наконец, те, кто попал в плен к красным в результате разгрома Колчака и, в отдельных случаях, Деникина. Эти последние чаще всего так же записывались в ряды РККА, особенно если обладали техническими знаниями (механики, лётчики, шофёры).

При описании событий гражданской войны в автобиографиях можно увидеть свидетельства информированности рядовых участников о происходящем, их понимание событий, происходивших вокруг. Так один из участников гражданской войны утверждал, что был мобилизован «чехами».^[41] Такое утверждение может показаться странным, однако, если посмотреть на организацию военного руководства в Сибири до колчаковского переворота, обнаруживается, что чешские генералы действительно фактически влияли, если не сказали - руководили штабом Сибирской армии.

Описания гражданской войны в автобиографиях интересны тем, что они демонстрируют стратегии выживания её участников и просто современников, мотивацию их действий и принятых решений.

Автобиографии показывают, как их авторы принимали решение об участии или неучастии в войне. Как они планировали выживать и как реально выживали, пытались уклониться от

участия в боевых действиях вовсе или пытаюсь уклониться от войны «не на той» стороне. Документы показывают опыт дезертира (только из белой армии) или уклониста (так же на подконтрольной Колчаку территории): человек, дезертировавший из армии Колчака, вынужден был скрываться в степях зимой, его родственники могли подвергаться если не репрессиям, то давлению в каком-то виде; уклонист, даже придавший законный вид своему действию (поступление на службу в милицию), оказывался под арестом.[\[42\]](#)

Повествуя о службе в РККА составители автобиографий раскрывают несколько аспектов гражданской войны и способов выживания на ней, применяемых различными людьми. Мы можем увидеть места и обстоятельства службы, войсковые части и соединения. Часто упоминаются детали событий, обычно в учебниках и масштабных исследованиях по истории гражданской войны в России, как не имеющие глобального значения.

В текстах автобиографий показана география деятельности бойцов, масштабы их «перебросок». Это могло быть движение из Забайкалья в Якутию, а потом – на Енисей, или из того же Забайкалья на Южный Урал, затем - в черноземную полосу России, или с русского севера в Иркутск и Монголию – это своего рода норма перемещений человека в период гражданской войны.

Касательно логики действия командиров с обеих сторон эти источники так же предлагают неожиданное освещение. Так автор одной из автобиографий, отправившись по приказу командования фронтом к новому месту службы, был задержан командой по отлову дезертиров и, несмотря на наличие соответствующих документов, был направлен в другую часть, в составе которой и находился до июня 1921 г.[\[43\]](#)

Многие участники гражданской войны оставили свидетельства того, что дезертиров обе стороны в случае поимки просто возвращали в строй, иногда даже будучи в курсе их «неправильных» воззрений.[\[44\]](#) По всей вероятности, в таком поведении красных и белых отражался своего рода «дефицит кадров» на фронтах.

Поскольку взгляды людей при мобилизации игнорировались, в колчаковской армии находилось довольно много солдат, по меньшей мере, не симпатизировавших Верховному правителю России. В результате в текстах биографий можно увидеть свидетельства переходов солдат к красным, - единичных, мелкими группами и массовых - до полка.[\[45\]](#) Естественно, автобиографии описывают только переходы от белых или зеленых к красным. Описывать в СССР обратные примеры было бы не безопасно. Информация, содержащаяся в документах новосибирского городского архива, свидетельствует о том, что переходы эти происходили в различных обстоятельствах и, вероятно, - с разной мотивацией.

Необходимо отметить, что описания событий гражданской войны и своего в ней участия, предложенные авторами биографий, нуждаются в критическом анализе на предмет их достоверности, поскольку, в любом случае, человеку при трудоустройстве было необходимо написать максимально приемлемый для властей и общества вариант своего участия, чтобы получить искомую работу. Кроме того, некоторые биографии в отдельных моментах производят впечатление похвальбы, которую в период создания текста не всегда возможно было проверить.

Например, один из участников войны описывает свой поход с 232 стрелковым полком 5-й Красной Армии от Урала до Барнаула.[\[46\]](#) На Алтае, по словам автора, полк боролся с местными партизанами. В 1921 г. был перебросен для подавления «ишимского кулацкого восстания» (в этом вопросе информация об участии полка и дивизии подтверждается). Затем полк, по свидетельству источника, отправляется на борьбу с бароном Унгерном, после чего переводится в Ачинск на отдых. Факт участия полка в боях против Р.Ф. Унгерна по-видимому нуждается в проверке. Ещё более сомнительным представляется поход полка в Якутск для борьбы с А.Н. Пепеляевым. В качестве даты начала переброски войсковой части источник называет июнь 1922 г. Проблема, однако, в том, что военачальник белых отплыл со своим отрядом из Владивостока в Охотск только 31 августа 1922 г., и дальнейшие события показали, что представители советской власти в Якутске очевидно были не в курсе экспедиции белогвардейцев. Масштаб боевых столкновений в Якутии не позволяют говорить об участии там хотя бы одного полноценного полка, при наличии в регионе по меньшей мере трёх

красных командиров со своими отрядами. Счёт бойцов с обеих сторон шёл на сотни. Вызывает вопросы и сама нерациональность переброски полка. Маловероятно, что Ачинск был ближайшей к Якутску точкой, где находились части Красной Армии.

Таким образом, приведённые в статье наблюдения позволяют сделать вывод о том, что автобиографии, написанные при трудоустройстве, оказывается отнюдь не являются «скучными» или неинформативными текстами. Напротив, эти ценные исторические источники, содержат разнообразную информацию, позволяющую находить новые аспекты для исследований в областях устной истории, военно-исторической антропологии, исторической генеалогии, исторической демографии, истории повседневности советского периода и социальной истории.

---

[1] НГА. Ф. 33. Оп.3. Д. 665. Л. 7-8.

[2] НГА. Ф. 33. Оп.3. Д. 654. Л. 91-91 об.

[3] НГА. Ф. 33. Оп.3. Д. 676. Л. 76-76 об.

[4] НГА. Ф. 33. Оп.3. Д. 685. Л. 44-44 об.

[5] НГА. Ф. 33. Оп.3. Д. 660. Л. 24-24 об.

[6] НГА. Ф. 33. Оп.3. Д. 654. Л. 91-91 об.; Ф. 33. Оп.3. Д. 681. Л. 123-123 об.

[7] См. напр.: НГА. Ф. 33. Оп.3. Д. 667. Л. 98-98 об.; Ф. 33. Оп.3. Д. 676. Л. 76-76 об.; Ф. 33. Оп.3. Д. 681. Л. 132-133.; Ф. 33. Оп.3. Д. 690. Л. 62-63 об.

[8] НГА. Ф. 33. Оп.3. Д. 665. Л. 7-8.

[9] НГА. Ф. 33. Оп.3. Д. 690. Л. 62-63 об.

[10] НГА. Ф. 33. Оп.3. Д. 660. Л. 24-24 об.

[11] См. напр. НГА. Ф. 33. Оп.3. Д. 665. Л. 43-44.; Ф. 33. Оп.3. Д. 671. Л. 6-6 об.

[12] НГА. Ф. 33. Оп.3. Д. 665. Л. 7-8.

[13] НГА. Ф. 33. Оп.3. Д. 681. Л. 123-123 об.

[14] НГА. Ф. 33. Оп.3. Д. 665. Л. 7-8.

[15] НГА. Ф. 33. Оп.3. Д. 657. Л. 97, 99.

[16] НГА. Ф. 33. Оп.3. Д. 654. Л. 91-91 об.

[17] НГА. Ф. 33. Оп.3. Д. 671. Л. 6-6 об.

[18] Назаров Василий Федорович (1871) [Электронный ресурс] // Открытый список. Режим доступа: [\(https://ru.openlist.wiki/%D0%9D%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B9_%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87_\(1871\)\)](https://ru.openlist.wiki/%D0%9D%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B9_%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87_(1871)) (дата обращения: 31.05.2020).

[19] См. напр.: НГА. Ф. 33. Оп.3. Д. 660. Л. 24-24 об.

[20] См. напр.: НГА. Ф. 33. Оп.3. Д. 664. Л. 140-142.

[21] См. напр.: НГА. Ф. 33. Оп.3. Д. 665.Л. 7-8.; Л. 43-44.; Ф. 33. Оп.3. Д. 671. Л. 6-6 об.

[22] См. напр.: НГА. Ф. 33. Оп.3. Д. 654. Л. 91-91 об.; Ф. 33. Оп.3. Д. 660. Л. 24-24 об.

[23] См. напр.: НГА. Ф. 33. Оп.3. Д. 660. Л. 24-24 об.; Ф. 33. Оп.3. Д. 665. Л. 43-44.

[24] НГА. Ф. 33. Оп.3. Д. 685. Л. 44-44 об.

[25] НГА. Ф. 33. Оп.3. Д. 664. Л. 140-142.; Ф. 33. Оп.3. Д. 665. Л. 43-44.

[26] НГА. Ф. 33. Оп.3. Д. 665. Л. 43-44.

[27] НГА. Ф. 33. Оп.3. Д. 665.Л. 7-8.

[28] НГА. Ф. 33. Оп.3. Д. 676. Л. 76-76 об.

[29] НГА. Ф. 33. Оп.3. Д. 665.Л. 7-8.

[30] НГА. Ф. 33. Оп.3. Д. 665. Л. 43-44.

[31] См. напр.: НГА. Ф. 33. Оп. 3. Д.665. Л. 43-44.; Ф. 33. Оп. 3. Д. 671. Л. 6-6 об.

[32] См. напр.: НГА. Ф. 33. Оп. 3. Д.665. Л. 7-8.

[33] См. напр.: НГА. Ф. 33. Оп. 3. Д. 660. Л. 24-24 об.; Д. 664. Л. 140-142.; Д. 681. Л. 132-133.

[34] См. напр.: НГА. Ф. 33. Оп. 3. Д. 664. Л. 140-142.

[35] НГА. Ф. 33. Оп. 3. Д. 657. Л. 97, 99.

[36] НГА. Ф. 33. Оп. 3. Д. 681. Л. 132-133.

[37] НГА. Ф. 33. Оп. 3. Д. 660. Л. 24-24 об.

[38] НГА. Ф. 33. Оп. 3. Д. 664. Л. 140-142.

[39] НГА. Ф. 33. Оп.1. Д. 767. Л. 76.

[40] НГА. Ф. 33. Оп.1. Д. 682. Л. 11 об.

[41] НГА. Ф. 33. Оп. 3. Д. 660. Л. 24-24 об.

[\[42\]](#) НГА. Ф. 33. Оп. 3. Д. 657. Л. 97, 99.

[\[43\]](#) НГА. Ф. 33. Оп. 3. Д. 667. Л. 98-98 об.

[\[44\]](#) См. напр.: НГА. Ф. 33. Оп. 3. Д. 654. Л. 91-91 об.

[\[45\]](#) См. напр.: НГА. Ф. Д. 660. Л. 24-24 об.; Д. 667. Л. 98-98 об.; Д. 681. Л. 123-123 об.; Д. 690. Л. 62-63 об.

[\[46\]](#) НГА. Ф. 33. Оп. 3. Д. 664. Л. 140-142. Д. 664. Л. 140-142.

[Белкин Михаил Лаврентьевич](#). Заведующий выплатным пунктом Горсобеса.

[Голос Владимир Евгеньевич](#). Экономист-плановик Горместпрома.

[Евдокимов Леонид Иванович](#). Старший инспектор новосибирского Горфо.

[Клочков Андрей Петрович](#). Председатель Эйхенского райсовета г.

Новосибирска.

[Кобыльских Иван Григорьевич](#). Временно исполняющий обязанности

председателя Горплана Горсовета г. Новосибирска.

[Назаров Василий Васильевич](#). Старший инспектор Госстройконтроля. г.

Новосибирска.